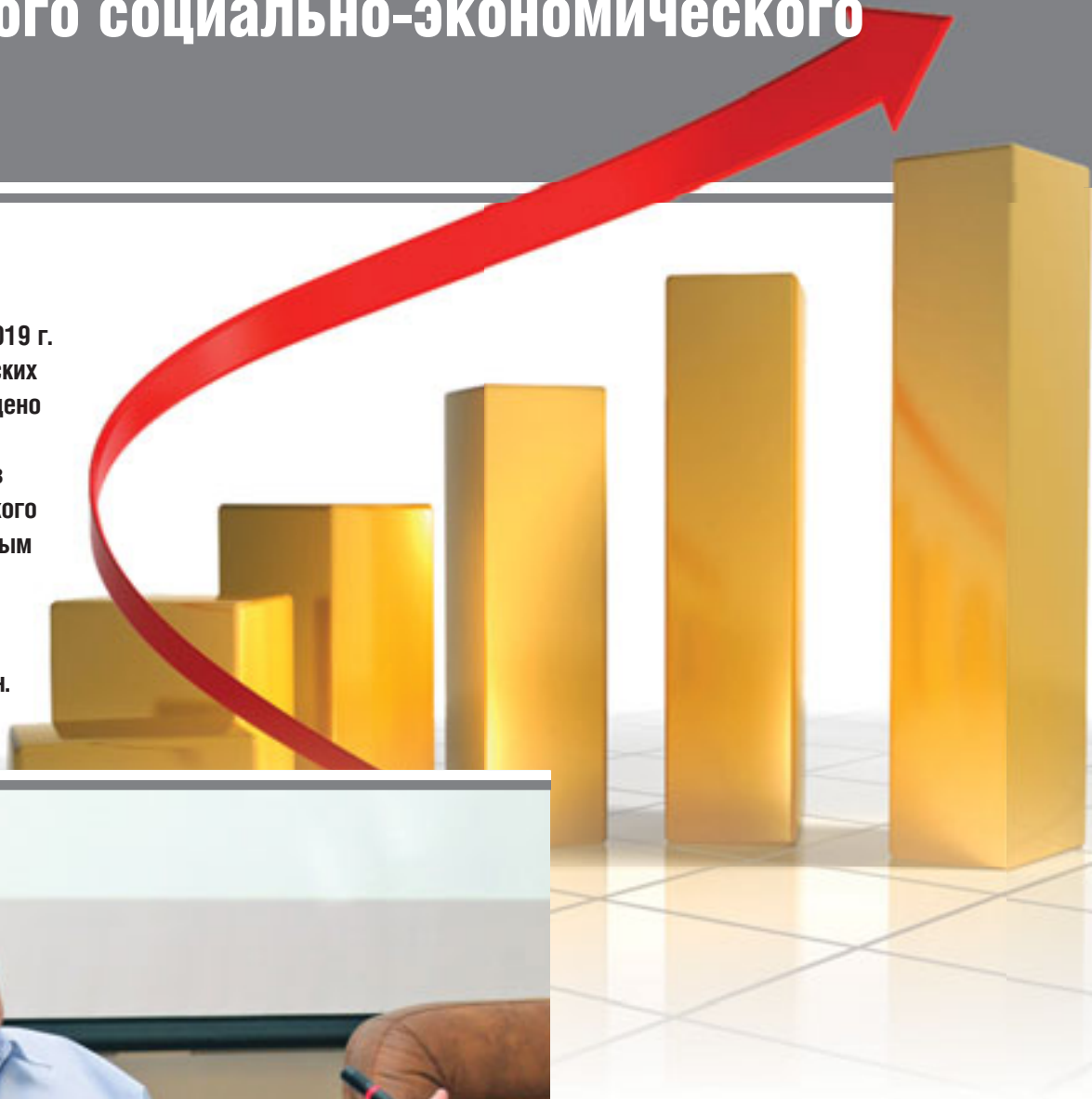

Семь шагов по возобновлению значимого социально-экономического роста

Очередное заседание Богомоловского клуба, прошедшее 1 апреля 2019 г. в Институте экономических стратегий, было посвящено обсуждению состояния, перспектив и драйверов социально-экономического роста России. С ключевым докладом выступил председатель Клуба академик РАН Абел Гезевич Аганбегян.

DOI: 10.33917/es-4.162.2019.42-49

АБЕЛ ГЕЗЕВИЧ АГАНБЕГЯН,
заведующий кафедрой
экономической теории
и политики ВШКУ РАНХиГС,
академик РАН

Российская экономика седьмой год, с 2013 г., находится в стагнации, и два из них были годами рецессии. За шесть лет, включая 2018 г., суммарные показатели такие: из 12 главных показателей социально-экономического развития шесть плюсов, но плюсы небольшие. Валовой продукт в среднем в год увеличивался на 0,4%. Это втрое ниже, чем в развитых странах, в 10 раз ниже, чем в развивающихся странах, в 8 раз ниже, чем общемировой темп. Промышленность — 0,6% в год, транспорт — 1,5% в год. Самый хороший показатель в сельском хозяйстве — прирост 20%, но Росстат считает, что он ошибся, преувеличил этот темп, поэтому хочет пересчитать. Тем не менее это будет самый высокий показатель. Лучше всего дело обстоит с вводом жилья: рост составил 12%. Но с 2015 г. ввод жилья сократился на 10 млн м²: в 2015 г. было 85 млн м², а в 2018 г. — 75 млн. В то же время все социальные показатели в минусе: реальные доходы, розничный товарооборот на душу населения. Ужасная инфляция — 50% за шесть лет. В минусе все драйверы экономического роста. Инвестиции снизились на 3,4%. Экспорт, импорт, строительство и так далее очень сильно подсе-

Главный вопрос: как нам преодолеть эту стагнацию и перейти к значимому социально-экономическому росту? Под словом «значимый» я понимаю то, что он будет не менее 4%, а лучше 5–6%. Нужны коренные перемены. Путем эволюции и мелких шажков экономический рост не возродить — и вот почему. Если бы у нас был кризис, то имелись бы и пути выхода из него, поскольку кризис включает механизмы возоб-

➤ В России ужасная инфляция — 50% за шесть лет. В минусе все драйверы экономического роста.

новления, восстановления, поэтому чем глубже страна падает в кризис, тем быстрее и круче она из него выходит. Во время кризиса 2009 г. мы упали очень сильно, из 20 ведущих стран мира у нас было самое глубокое падение. На 8% просел валовой продукт, на 11% — промышленность, на 16% — строительство и инвестиции, на 40% — внешняя торговля, в 5 раз упал фондовый рынок, в 1,7 раза сократились доходы бюджета от налогов и таможенных сборов. Ужасное падение! Но за два года наша экономика восстановила рост. Не случайно слово «кризис» в китайском языке выражается двумя иероглифами: один означает «беда», а второй — «шанс». Кризис — это шанс. А вот стагнация не имеет никакого механизма улучшения. Из стагнации выйти неизмеримо труднее, чем из кризиса.

Ярким примером этого является стагнация и рецессия в США: начиная с 1970 г. в течение 12 лет три американских президента пытались вывести эту мощнейшую страну из стагнации. Что только они ни предпринимали! Первым был Форд: ничего у него не получилось — и его не переизбрали на второй срок, что не так часто случается в США. Следующий президент, Картер, привлёк крупнейшего финансиста США Уолкера, который разработал очень жесткий план экономики, чтобы выйти из стагнации. Он предупредил Картера, что если этот план будет осуществлен,

Таблица 1

Социально-экономическое развитие России в период стагнации и рецессии в 2013–2018 гг., в % к предыдущему году

Показатели	Годы						Всего за 2013–2018 гг.
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
Валовой внутренний продукт	1,3	0,6	–2,8	–0,2	1,5	2,3	2,6
Промышленность	0,4	1,7	–3,4	1,1	1,0	2,9	3,6
Строительство	0,1	–2,3	–4,8	–4,3	–1,4	5,3	–7,2
Транспорт (грузооборот)	0,6	–0,1	0,3	1,8	5,4	2,9	11,2
Сельское хозяйство	5,8	3,5	2,6	4,8	2,4	–0,6	19,8
Инвестиции	0,8	–1,5	–10,1	–0,9	4,4	4,3	–3,4
Экспорт	–2,1	–4,8	–31,3	–17,5	24,8	25,8	–17,1
Импорт	1,6	–9,8	–37,3	–0,8	25,3	4,7	–25,3
Розничный товарооборот	3,9	2,7	–10,0	–4,6	1,2	2,6	–4,9
Платные услуги	2,0	1,0	–1,1	–0,3	0,2	2,5	4,0
Ввод жилья	7,2	18,2	1,4	–6,0	–2,1	–4,9	18,2
Реальные доходы на душу населения	4,8	–0,5	–4,1	–5,5	–1,2	–0,2	–6,9
Инфляция (рост потребительских цен)	6,5	9,1	15,0	5,8	2,5	3,8	50,3

его не выберут на второй срок. Была заморожена зарплата, пытались заморозить цены. Ничего не получилось, стагнация продолжалась с элементами рецессии. Картера не переизбрали. На смену ему пришел Рейган. Советники Рейгана предложили принципиально новый подход, который никогда ни в одной стране не применялся и противоречил здравому смыслу: в 1,5 раза снизить налоги, прежде всего налоги с богатых, и одновременно дать льготы богатым, а высвобожденные деньги инвестировать или вложить в ценные бумаги, из которых потом вырастут инвестиции, и так далее. В условиях стагнации снизить налоги, то есть лишить доходов и так сверхдефицитный по понятным причинам бюджет, — это какая-то малообъяснимая, казалось бы, мера. Второе, что они предложили, — вдвое снизить амортизационные сроки и в принудительном порядке выкинуть старое оборудование. Американцы ввели новое правило ускоренной амортизации и очень сильно обновились.

Естественно, инвестиции сразу резко возросли, потому что снизились налоги, особенно налог на капвложения, на доходы от ценных бумаг и так далее. Это стало очень выгодным, и частный капитал пошел в эту сферу. Рейгану удалось не просто вывести страну из стагнации, но добиться ее процветания, которое продолжалось 25 лет, чего никогда не было в истории Соединенных Штатов. До 2007 г. экономика США ни разу не проседала. Были заминки, было банкротство высокотехнологичных фирм, NASDAQ упал, если помните, но в целом Америка процветала, резко вырос уровень жизни, до минимума — 4,5% — сократилась безработица.

Чтобы выйти из стагнации, нужны коренные меры. А то, что в последнее время делает наше правительство, только усугубляет положение. Какие меры были предприняты? Первая мера — увеличение пенсионного возраста, последствия понятны. Вторая мера — повышение НДС, последствия тоже понятны. И третья мера — запрещение долевого участия граждан в финансировании жилья, что приведет к 30-процентному его удорожанию. Цены уже поднялись на 15%. Долевое финансирование — это 80% всех капвложений в жилищное строительство. И вот этого теперь не будет, все квартиры будут продаваться по конечным ценам. А чтобы что-то построить, придется брать дорогие долгосрочные кредиты. Резко сокращается рост жилищного строительства. В первые месяцы 2018 г. он составил 115% по сравнению с соответствующим периодом 2017 г., а в конце 2018 г. это было уже минус 10%.

Министр строительства выступил и открыто сказал, что задание В.В. Путина к 2024 г. в 1,5 раза увеличить ввод жилья выполнено быть не может.

2019 г. будет худшим годом стагнации, это признают все, включая Минэкономразвития. Рост ВВП составит максимум 1,5%, возможна небольшая рецессия, если снизятся цены на нефть или будут новые санкции. Продолжится снижение реальных доходов — в I квартале они опустились на рекордные 2,3%. Пять лет у нас снижаются реальные доходы. Все показатели, включая инвестиции, будут расти очень незначительно: в I квартале инвестиции выросли на 0,5%, столь же низким был и рост ВВП.

Хочу еще раз подчеркнуть: если мы хотим возобновить серьезный экономический рост, нужно принимать коренные меры. Я предлагаю семь крупных шагов по возобновлению значимого социально-экономического роста.

Первый шаг — переход к форсированному росту инвестиций в основной капитал и вложений в экономику знаний — НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение. Что значит форсированный рост инвестиций? Это, условно говоря, 10-процентный рост. Если каждый год на 10% увеличивать инвестиции в основной капитал и вложения в здравоохранение, образование, подготовку кадров, информационные технологии, то на третий год можно достигнуть 3–4-процентного роста.

Первый год — ничего, а на второй год — процента 2–2,5, потому что рост вызывает саморост инвестиций, который начинает заводить экономику. Чтобы инвестиции росли, нужно производить продукцию и давать работу сотням тысяч людей — они получают зарплату, идут в магазин, и экономика начинает вращаться до ввода в действие основных фондов. А года через три-четыре вводятся основные фонды от этих инвестиций, на их базе начинают дополнительно производиться валовой внутренний продукт, товары и услуги, и это дает более мощный толчок. Поэтому реальный толчок от крупных инвестиций будет ощущаться начиная с третьего года.

Вообще рост экономики зависит от многих причин, можно сказать, зависит от экспорта, но, чтобы экспортировать продукцию, нужно сначала вложить деньги в экспортное производство, подготовить кадры, которые произведут продукцию соответствующего качества. Эконо-

мического роста можно достичь за счет лучшего использования фондов, особенно если они новые, но такие возможности ограничены. У нас старые фонды, на их основе нельзя произвести новую продукцию, поднять качество, производительность, эффективность. И с каждым годом фонды устаревают. Напомню: в России в год выбывает 0,7% фондов, за пять лет выбывает 3,5% фондов, а 96,5% становится на 5 лет старше, через 10 лет 93% фондов становится на 10 лет старше. Что это значит? Нужны дополнительные деньги, чтобы содержать их в порядке, нужно их обслуживать, все время ремонтировать. А главное, они реализуют отсталую технологию. Мир переходит к новым технологиям, а мы продолжаем работать по старой. Поэтому первичные факторы — это инвестиции в основной капитал, вложения в сферу экономики знаний.

Второй шаг — мобилизация финансовых средств для перехода к форсированным инвестициям. Нужны очень крупные мероприятия, чтобы выйти на 10-процентный рост инвестиций и человеческого капитала. Наш валовой продукт в 2018 г. — 103,6 трлн руб. Инвестиции — 17,6 трлн руб. Это инвестиции в основной капитал. А есть второй показатель — система национальных счетов, где Росстат пытается отразить теневую экономику путем всяких балансовых соотношений. Это называется накопление основных фондов, и оно на 3 трлн больше инвестиций, где-то 21 трлн. Поэтому доля инвестиций в валовом продукте — 17–18%, если брать инвестиции, или 20,5%, если брать накопления. Надо использовать и тот и другой показатель. Если каждый год увеличивать инвестиции по 10% и начать это делать с 2019 г., то в 2024 г. объем инвестиций составит 177% к объему инвестиций 2018 г. Если начать это делать с 2020 г., то этот показатель будет

чуть более 160%. Что касается доли экономики знаний в валовом продукте, то в России это 14%, или 14,5 трлн руб. Значит, в год нам надо мобилизовать примерно 2 трлн дополнительных инвестиций и 1,5 трлн вложений в человеческий капитал. Это в первые годы. А к 2024 г. потребуется три с небольшим триллиона инвестиций и 2,5 трлн вложений в человеческий капитал в год.

Где взять деньги? Чтобы их мобилизовать, нужно отказаться от некоторых мифов. Первый миф — это миф о необходимости иметь сбалансированный бюджет, а лучше профицитный. В период стагнации, в 2018 г., мы имеем профицит 2,5 трлн руб. Подумайте, это больше, чем 10-процентный рост инвестиций. Мы имеем профицит, то есть деньги, которые не расходуются, они лежат и обесцениваются в условиях инфляции. Все развитые страны дефицитны, а Россия — исключение, она самая профицитная страна мира с самыми низкими темпами развития. Это противостоит.

Второй миф — это миф о том, что нам нужны колоссальные золотовалютные резервы. У нас сейчас 490 млрд долл., и мы все время покупаем и покупаем валюту. Зачем? Почему бы не взять 190 млрд из 490 млрд займы на 5–7 лет на технологическое обновление действующих производств и расходовать по 15–20 млрд долл. в год? А 300 у нас остается на безопасность. Резервы в 300 млрд долл. — это больше, чем золотовалютные резервы Англии, Франции, Италии, Испании и Германии вместе взятых. Зачем нашей стране, объем валового продукта которой меньше, чем в Германии, иметь такие золотовалютные резервы?

Безопасный уровень дефицита — не более 3% валового продукта, то есть 3 трлн. Мы можем каждый год увеличивать расход бюджета на 3 трлн,

что позволит поднять реальные доходы — здравоохранение, образование и т.д.

Но главное — нужно повернуть банковскую систему лицом к экономическому росту. Банковская система — основной денежный мешок, в стране — 91 трлн руб. банковских активов. Из них российские банки инвестируют аж 655 млрд руб. Анекдот! Иностранные банки в России дают на 5 млрд долл. больше, чем все отечественные банки. ВТБ направляет на инвестиции копейки, Газпромбанк серьезных инвестиций не делает, что удивительно. В западных странах существуют внебанковские длинные деньги, которые в России практически отсутствуют. Это накопительные пенсии, огромные страховые фонды — сотни миллиардов в каждом фонде, а их десятки. Ипотека в США — 80% валового продукта, а у нас — 5%. Доля инвестиционного кредита банков в общих инвестициях в Германии — 53%, в Америке — 42%. А у нас — 8%. В развивающихся странах при вдвое большей доле инвестиций в ВВП их доля — 20 и более процентов.

В банковской сфере можно втрое, впятеро увеличить инвестиции за счет перевода текущих средств в инвестиционные, прежде всего это касается государственных банков.

2 трлн дополнительных средств мы можем изыскать у предприятий. Если освободим от налогов прибыль, чтобы способствовать выходу прибыли из тени и создать стимулы для собственных инвестиций, получим 1 трлн. Можно сократить амортизационный срок и за счет этого увеличить амортизационные фонды.

Мы можем также привлечь средства населения для приобретения квартир и легковых автомашин: если человек берет заем определенного размера, то получает возможность приобрести машину или квартиру на льготных условиях.

Наконец, наше государство единственное или почти единственное в мире никому ничего не должно. У нас внешний долг 50 млрд долл., это 3% валового продукта. Государственный долг Западной Европы составляет 86%, США — 110%. В РФ внешний и внутренний долг государства — 15%, в Китае — 257, в Японии — 250, в США — 200%.

Третий шаг — эффективное использование инвестиций, прежде всего на технологическое перевооружение экономики. Как использовать эти дополнительные инвестиции? Ясно, что их нужно использовать на технологическое обнов-

ление, перевооружение народного хозяйства, изменение материально-технической базы. За 15 лет необходимо перевести материально-техническую базу нашей страны на передовые технологии, распространенные в развитых странах. Для этого надо довести норму обновления с 4,5% по крайней мере до 10% и выбрасывать в год хотя бы по 5% устаревших основных фондов. В России 23% всех машин и оборудования работает свыше сроков амортизации. Все это должно быть немедленно выброшено. Округляя цифры, можно сказать, что с учетом инфляции за шесть лет нам потребуется дополнительно 20 трлн инвестиций и 15 трлн вложений в человеческий капитал.

Как распределить эти 20 трлн дополнительных вложений? С моей точки зрения, так: 3 трлн — обновление действующего производства. В коренном обновлении в первую очередь нуждаются энергетика и машиностроение, потому что обновлять другие отрасли надо по возможности на базе отечественного машиностроения. Нужно покупать только то, что мы не можем быстро сделать сами — какую-то особую электронику и так далее. В энергетике должны получить распространение парогазовые установки. Вы знаете, что КПД наших электростанций — от 30 до 35%, а КПД современных парогазовых станций — 60–65%. Иначе говоря, мы 68 млрд м³ газа сжигаем зря, несем фантастические убытки из-за отсталости. Это данные Промгаза, проектной организации Газпрома. Нам нужно восстановить станко-строение и тяжелое машиностроение. У нас в машиностроении 10% обрабатывающих центров, а в США, Японии и Германии — 70%, в Китае — 40%. Мы сегодня не производим ни современные экскаваторы, ни грузоподъемные грузовики, да и обычные трейлеры в России не выпускаются.

И легкая промышленность, и жилищно-коммунальное хозяйство в стране в удручающем состоянии. А вот металлургия — на мировом уровне: у нас давно нет мартеновских печей, есть станы третьего, а сейчас уже и четвертого поколения, которых в мире всего несколько. Есть еще относительно передовая сборка иностранных легковых автомашин.

Необходимо вложить примерно 3 трлн в новые мощности высокотехнологичных отраслей — фармацевтику, электронику, приборостроение, самолетостроение и т.д.

Важнейшее направление — создание новой транспортно-логистической инфраструктуры, то есть переход к массовому строительству дву-

Таблица 2

Доля инвестиций в основной капитал и «экономику знаний» в валовом внутреннем продукте и темпы роста экономики

Страны	Доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %	Доля «экономики знаний» в ВВП, %	Среднегодовой прирост экономики, %
Развитые страны	Около 20	30–40	1,5–2,0
Развивающиеся страны	30–35	15–0	4–6
Китай	45–50	20	7
Россия	17* 20**	14	1
При ежегодном приросте инвестиций по 8–10%:			
Россия 2025 г.	25–28	22	4–5
Россия 2030 г.	30–33	30	5–6

Примечания.

* Инвестиции в основной капитал по статистике.

** Накопление основного капитала в системе национальных счетов.

сторонних автострад, скоростных железных дорог и крупных логистических центров на их пересечении. На это потребуется более 5 трлн руб.

Жилищное строительство, коммунальные сети и социально-бытовое строительство — это еще 3 трлн. В сумме это и будет примерно 20 трлн. Основные средства, конечно, уйдут на создание инфраструктуры, которая у нас крайне отсталая, а она очень важна.

Сейчас в России доля науки в валовом продукте — 1,2%, а надо хотя бы 2,5%. В СССР было 3%. Нам нужно удвоить инвестиции в науку. Доля образования в валовом продукте — 4%, а надо минимум 6–7%, чтобы хотя бы соответствовать уровню передовых развивающихся стран. В образование и здравоохранение нужно вложить где-то по 4 млрд. Здравоохранение — это наша худшая отрасль, в международных рейтингах мы занимаем самые последние места по всем показателям. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, по здоровью населения (по 50 показателям, объединенным в 10 групп) мы занимаем 119-е место из двухсот стран.

И важнейшая сфера — информационно-коммуникационные технологии. На ее развитие мы тратим 3,5% валового продукта, а США — 11%. В.В. Путин поставил задачу утроить этот показатель, что очень трудно сделать. Тем не менее необходимо максимально увеличить вложения в эту отрасль.

Четвертый шаг — использование инвестиционного кредита, чтобы изысканные дополнительные средства были направлены по назначению. Но его нельзя выдавать под 10–12%, потому что окупаемость вложений в действующее производство — 5–7 лет, вложений в новые мощности высокотехнологичных отраслей — 10–12 лет, а вложений в транспортную инфраструктуру — 20–25 лет. Надо выдавать кредиты под 3–5%. И такой процент намного выше, чем в других странах, но для нас это приемлемо. Хотя бы года за три-четыре надо снизить ключевую ставку Центрального банка до 4–5%, а до этого нужно доплачивать процентную ставку за счет бюджетных денег.

Во многих работах доказывается, что есть очень тесная корреляция между долей инвестиций в основной капитал, долей вложений в человеческий капитал в валовом продукте и темпами роста (табл. 2). Это видно на примере России: сейчас доля инвестиций в основной капитал — 17 или 20%, доля экономики знаний в валовом продук-

те — 14%, что в лучшем случае дает темп в 1%. За шесть лет мы достигли уровня 0,4%. В развитых странах доля инвестиций в основной капитал — около 20%, но они намного лучше используют инвестиции и у них нет устаревших фондов. Доля экономики знаний в валовом продукте в Европе — 30%, в США — 40%. И у них среднегодовой темп составляет 1,5–2%. При нашей отсталости это совершенно неприемлемый темп, для нас это стагнация. Их 1,5–2% — это высококачественный рост, они растут не за счет традиционных отраслей, а прежде всего за счет образования, здравоохранения, науки. У них в отличие от нас главный источник роста — человеческий капитал.

Конечно, приятно жить без долгов, не брать кредиты, сидеть «на сундуке с золотом». Зачем предприятию брать кредит, оно может развиваться за счет собственных денег, но как оно будет развиваться, если не брать кредиты? Оно будет развиваться, как наше государство, — стоять на месте. Мы не отдаем себе отчета в том, что за всю историю новой России, а это почти 30 лет, валовой внутренний продукт вырос меньше чем на 10%. Мы топчемся на месте. Ни одна другая страна мира 30 лет на месте не стоит.

Россия вдвое сократила экономику и социальную сферу в период трансформационного кризиса (1990–1998/1999 гг.), вдвое поднявшись к 2008 г. С того времени мы и колеблемся вокруг этого уровня, потому что у нас нет механизма экономического роста. В России отсутствует рынок капитала, фондовый рынок у нас ущербный, он не играет роли нормального фондового рынка, откуда черпаются деньги. И в то

же время мы отказались от планирования как дополнительного механизма, который обеспечивал экономический рост в СССР и обеспечивает дополнительный экономический рост в Китае, Южной Корее, Индии, Японии и Франции. Нам нужно к этому вернуться. У нас нет денег, если брать их безвозмездно и тратить как бюджетные средства, половина которых идет не по назначению, но если выделять их возмездно, через инвестиционный кредит, то выясняется, что у нас имеются огромные деньги. Почему мы безвозмездно финансируем оборонную промышленность? Минобороны продает вооружения на 20 млрд долл. Вполне можно заменить все расходы на оборонную промышленность окупаемыми расходами. То же самое относится к большинству инфраструктурных проектов, на которые безвозмездно расходуются баснословные деньги, а это неправильно.

Пятый шаг — переход к стимулированию. Если вы хотите изыскать средства и обеспечивать экономический рост, надо стимулировать инвестиции. Как стимулировать? Например, отменить налог на прибыль, из которой берутся инвестиции, по низкой процентной ставке предоставлять инвестиционный кредит, использовать проектное финансирование, то есть давать кредит не под залог оборудования, а под проект, как это делается в мире.

Самое трудное — технологическое перевооружение. Представьте себе реальный завод в процессе такого перевооружения: надо выбросить старое оборудование и при этом сохранить рабочих, платить им зарплату, а для этого выпускать продукцию и все это делать на свои или на заемные деньги. А с вас в это время еще берут налоги. Необходимо дать таким предприятиям налоговую паузу на период возобновления производства в полном объеме. Если с них одновременно брать налоги, это фактически затруднит им технологическое перевооружение. Если я строю новые мощности, зачем брать с меня налог? Разве государство в этом не заинтересовано? Оно же получит колоссальные прибыли, как только эти мощности войдут в строй. Надо учитывать будущую пользу. То же самое относится к экспорту готовой продукции с высокой добавленной стоимостью и к импортозамещению — тут нужны разные льготы: налоговые, административные, земельные. Иначе говоря, нужно всесторонне стимулировать все это дело.

Шестой шаг — структурные реформы. Главная проблема — это то, что в России частная собственность не признана как священная и неприкосновенная. Наше государство не стоит на страже частной собственности, как в любой рыночной стране. Если ты поставишь свой автомобиль на чужую стоянку, кто придет с тебя брать штраф? Не хозяин стоянки, а полицейский, представляющий государство, которое охраняет частную собственность, правит. Поэтому нам нужен закон о собственности.

У нас 71% всего валового продукта производится либо предприятиями, находящимися в государственной собственности, либо предприятиями, которые не считаются госсобственностью, но контролируются государством, такими как Газпром, РЖД, Ростех, Роснефть. В России бюджетные предприятия и организации производят 37% валового продукта, а крупные концерны, контролируемые государством, — 20% ВВП. Надо сказать, что когда в 2003 г. закончилась приватизация, доля частной собственности была 65%, доля бюджета — 25%, а не 37%, как сейчас. Но после 2005 г. началось огосударствление. Сейчас государству принадлежит 70% банковских активов. Нужен закон о собственности и реформа собственности.

Необходимо при этом создать конкурентную среду, реорганизовать естественные монополии и, конечно, расформировать Газпром, Роснефть и РЖД. Энергетика у нас опять стала практически государственной, несмотря на реформу. Ее тоже частично нужно приватизировать. От приватизации мы можем получать по триллиону рублей в год.

Нужна коренная реорганизация финансов и банков, и они должны быть ориентированы на экономический рост и длинные деньги. По качеству и развитости финансы России занимают 108-е место в мировом рейтинге. У нас одна из самых низких долей банков, активы банков к валовому продукту в 3 раза ниже, чем в среднем в Европе. Кредиты в Европе равны валовому продукту, а у нас — 30% от валового продукта, монетаризация очень низкая.

Нужно перевести регионы на систему самоокупаемости, самофинансирования, самоуправления, которая бы стимулировала их развиваться. Мы одной рукой отбираем у них налоги, а другой рукой даем, причем меньше, чем отбираем. Примерно 70 регионов можно хоть завтра перевести на такую систему, в рамках которой существуют все территориальные сообщества в мире,

например Бавария или Калифорния. Вы можете себе представить, что губернатор Калифорнии приезжает к президенту США просить деньги, как у нас? Все решается в Москве.

В коренном реформировании нуждается наша крайне неудачная налоговая система — и применительно к людям, и применительно к организациям. В.В. Путин ставил вопрос о необходимости провести налоговую реформу в 2019 г., но министерства его инициативу сорвали.

У нас социальная сфера совершенно не соответствует рыночной экономике. Нет ни одной страны, где люди не вкладывали бы деньги в свои будущие пенсии в обязательном порядке. Пенсия должна составлять минимум 40–60% от средней зарплаты, а у нас — 30%, но в России средняя зарплата на 25% ниже настоящей зарплаты, у нас еще в конвертах дают. Поэтому мы занимаем 50-е место в мире по реальным доходам и примерно 89-е по пенсионным доходам. У нас самый обездоленный класс — это почти 50 млн пенсионеров. Нужна пенсионная реформа, реформа здравоохранения. Надо, чтобы люди своими деньгами участвовали в страховании здоровья.

Необходимо перевести ЖКХ на рыночную основу, государство не должно иметь никакого отношения к цене на электроэнергию, воду и тепло. Причем здесь государство? Вы можете себе представить, что Меркель ездит по районам и смотрит, как идет заготовка топлива?

Больше ста стран мира имеют цивилизованный рынок или близкий к нему, и все они в конце концов пришли к единой пенсионной системе. Есть только две страны, где здравоохранение оплачивается за счет государства, — Канада и Великобритания, и там две трети населения недовольны этой системой. Но у них в среднем подоходный налог — 35–40%. Брать 13% налога, как это делается у нас, и объявлять бесплатное здравоохранение — это неправильно.

Чтобы создать нормальную пенсионную систему и систему здравоохранения, сделать рыночную систему ЖКХ, необходимо индексировать зарплату, чтобы не снижались реальные доходы.

Седьмой шаг — использовать дополнительные финансовые ресурсы от экономического роста на повышение благосостояния населения и в первую очередь реальных доходов. Размер минимальной зарплаты надо удвоить в номинале. Зачем? Если мы осуществим все сказанное, у нас начнется социально-экономический прирост. По моим подсчетам, уже в 2022 г. можно ожидать рост в 3%, с 2023 г. — 4%, в 2024–2025 гг. — 5%.

Это даст большой прирост финансов, потому что 1% роста — это один триллион сегодня и полтора триллиона с учетом инфляции в 2024 г. А если рост будет 5% — это 7,5 трлн дополнительных финансов. Эти средства надо направить на повышение доходов, прежде всего зарплаты, поскольку без платежеспособного спроса сколько-нибудь значительный экономический рост невозможен.

Чтобы резко повысить экономический рост, нужно использовать европейский стандарт: бедными считаются те, кто имеет доход ниже 60% медианного дохода. И минимальная зарплата должна быть на этом уровне. Нужно ввести налогооблагаемый налогом минимум. Во всем мире берется единый налог с семьи, но мы не знаем, какие у нас подушевые доходы, потому что берем налог не с доходов семьи, а отдельно с доходов мужа и жены, хотя они совместно ведут хозяйство. Беря налог с семьи, вы понимаете, сколько там детей, какой душевой доход, какие расходы — все прозрачно. У нас все скрыто.

В заключение хочу сообщить вам, что президент РАН принял решение о том, что Российская академия наук должна более активно участвовать в обеспечении экономического роста в нашей стране, нужны какие-то крупные акции. Я считаю, что нужно не просто проводить конференции, но и предлагать какие-то конкретные меры. На одном из готовящихся мероприятий мы хотим провести анкетирование участников конференции — это полторы тысячи человек, вся Академия наук, — и принять манифест по поводу возобновления экономического роста, где будет изложена позиция большинства членов РАН. Может быть, так нам удастся кого-то убедить.

ПЭС 19029 / 11.04.2019

Видеoverсию заседания Богомолловского клуба на тему «Драйверы социально-экономического роста России» см. на сайте Института экономических стратегий <http://www.inesnet.ru/chapter/diskussionnyj-klub/>